

Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль»

История и культура Ростовской земли

2016

Ростов
2017

Особенности аграрного развития Ростовской земли во второй половине XIX – начале XX века

Г. Н. Ланской

Особенности развития аграрного строя на территории Ростовской земли на протяжении второй половины XIX – начала XX в. являются объектом интенсивных историографических дискуссий. Их истоки относятся еще к периоду начала XX в., когда исследователи обсуждали степень экономического развития различных, прежде всего не вполне благоприятных в климатическом отношении регионов Российской Империи. Содержание данных дискуссий вплоть до середины 1960-х гг. заключалось в определении уровня внедрения капиталистических отношений в сферу аграрного развития. Обсуждение данной, центральной для советской историографии исследовательской проблемы имело ярко выраженный идеологический характер, поскольку, исходя из определения степени развитости сельскохозяйственного и индустриального строя в Ярославской и других губерниях нечерноземного района определялась степень сформированности в данном регионе объективных предпосылок для социалистической революции. В результате применительно к рассматриваемому региону большинством исследователей было определено, что в нем сформировалась аграрно-индустриальная система производственных отношений, в которой в рамках общей экономической системы преобладали сельскохозяйственный сектор и мелкотоварное промышленное производство, представленное, с одной стороны, текстильными предприятиями, а, с другой стороны, металлообрабатывающим производством. При этом в сравнении с ключевыми урбанистическими объектами Центрального промышленного района экономическое развитие на территории Ростовской земли имело периферийный характер как с точки зрения индустриального, так и с точки зрения сельскохозяйственного развития.

Период второй половины 1960 – первой половины 1970-х годов в отечественной историографии аграрной истории России второй половины XIX – начала XX в. характеризовался отходом от генерализирующего исследовательского подхода, свойственного также для большинства исследований представителей зарубежной историографии. Благодаря данной тенденции ученые отошли от достаточно абстрактных по своему содержанию дискуссий и, основываясь на активно привлекаемом из фондов союзных и региональных архивов фактическом материале, придали обсуждению особенностей аграрного развития Ростовской земли и Ярославской губернии в целом более конкретный

характер. Данная благоприятная с точки зрения научных изысканий тенденция привела к формированию обоснованного представления о наличии многоукладного уровня экономического развития в рассматриваемом регионе, не позволяющего сделать системный обобщающий вывод о доминировании или, напротив, об отсутствии достаточного уровня аграрного развития.

Одним из основных историографических источников, в котором в развернутом виде была представлена данная точка зрения, стал опубликованный в 1972 г. в Свердловске сборник статей «Вопросы истории капиталистической России» под редакцией В. В. Адамова¹. Авторы сборника на основании значительного фактического материала убедительно показали, что многоукладность, проявлявшаяся в том числе в аграрном секторе, не являлась существенным препятствием для общей экономической модернизации. В рамках сложившегося применительно к изучению экономической истории России второй половины XIX – начала XX в. «нового направления» научных исследований были представлены ученые, занимавшиеся углубленным исследованием различных сфер хозяйственного развития. Применительно к сфере аграрного развития и тесно связанного с ним мелкотоварного производства наиболее значимые работы были написаны А. М. Анфимовым², специализировавшимся в области изучения истории сельского хозяйства, и К. Н. Тарновским³, одним из объектов исследований которого являлась местная промышленность.

Однако вплоть до 1987–1988 годов содержательная часть исследований данных и других представителей «нового направления» в существенной части замалчивалась. Для демонстрации внешнего идеологического единства советских историков акцент делался на признании ими закономерного характера социалистической революции 1917 г., а эмпирико-теоретическая сторона, связанная с демонстрацией на примерах регионального развития элементов многоукладности, либо затушевывалась, либо просто не включалась в научные публикации. Американская историография, в которой основные акценты делались именно на неоднородном характере развития экономики нечерноземного района и в том числе на его кризисных проявлениях в сфере аграрного развития⁴ (например, на причинах и проявлениях голода 1891 г.⁵), провозглашалась в соответствующих критических обзорах ревизионистской⁶. Таким образом, только на рубеже 1980–1990-х гг. сформировалось относительно объективное представление о специфике аграрного строя Российской

¹ Вопросы истории капиталистической России: Проблемы многоукладности // под ред. В. В. Адамова. Свердловск, 1972.

² Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России: конец XIX – начало XX в. М., 1969.

³ Тарновский К. Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М., 1995.

⁴ Manning R. Th. The crisis of the old order in Russia: Gentry and government. Princeton, 1982.

⁵ Simms J. Y. The famine and the radicals // Modernisation and revolution: Dilemmas of progress in Late Imperial Russia: Essays in honor of Arthur P. Mendel. N.Y., 1992. P. 13–42.

⁶ Напр.: Мерцалов А. Н. В поисках исторической истины: Очерк методологии критики буржуазной историографии. М., 1984.

империи второй половины XIX – начала XX в., которая отчетливо различалась на европейской части территории России применительно к черноземным и черноземным губерниям.

Определенный (но не столь глобальный, как в 1920 – первой половине 1960-х гг.) виток генерализирующих дискуссий был связан в 1990–2000-е гг. с обсуждением особенностей и результатов так называемой столыпинской аграрной реформы. В зависимости от своей умеренно-консервативной или, напротив, либеральной идеологической ориентации исследователи либо отстаивали безусловную успешность данных преобразований⁷, запланированных еще в период начала 1900-х гг. правительством С. Ю. Витте, либо подчеркивали крайнюю ограниченность успешных результатов столыпинской реформы⁸. На наш взгляд, с точки зрения формирования обобщающих выводов данная весьма интенсивная дискуссия, проявившаяся как в постсоветской, так и в зарубежной историографии, также не может привести к каким-либо объективным оценочным заключениям, поскольку результативность реформ 1900 – начала 1910-х гг. в области модернизации аграрного строя в определяющей степени зависела от условий развития конкретного региона.

Обращаясь к примеру Ростовской земли, следует сделать вывод о том, что в ней позитивные последствия столыпинской аграрной реформы проявились в крайне ограниченном объеме, что объяснялось тремя причинами.

Первая причина заключалась в том, что крестьяне, населявшие данную территорию исторически привыкли к ведению сбалансированной экономической деятельности, основанной на сочетании сезонных по своему временному циклу работ в сфере сельскохозяйственного производства и ведения промысловой деятельности, главным образом, в периоды объективного отсутствия активной аграрной деятельности. В силу данной причины у крестьян Ростовской земли в отличие от многих земледельцев из Центрально-Черноземного района отсутствовала ощутимая мотивация к переселению в сибирские земли.

В качестве альтернативы миграции в восточные регионы Российской Империи крестьяне широко использовали правовые и организационные возможности, связанные с отходничеством. Данная форма временной, а, начиная с середины XIX в., временами постоянной трудовой миграции была достаточно широко распространена в Ярославской губернии. На территории Ростовской земли наблюдались случаи, когда после заключения уставной грамоты крестьяне, стремившиеся заниматься ремесленной предпринимательской деятельностью, направлялись в города и в случае достижения успеха в профессиональной деятельности еще до истечения срока действия уставной грамоты выкупали свою независимость. Данная распространенная тенденция нарастала вплоть до начала Первой мировой войны и являлась очевидным признаком кризиса традиционно преобладавшей системы крупного феодального землевладения.

⁷ Зырянов П. Н. Столыпин без легенд. М., 1992; Зырянов П. Н. Аграрная община Европейской России: 1900–1914 гг. М., 1994.

⁸ Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002; Ковальченко И. Д. Столыпинская аграрная реформа: Мифы и реальность // История СССР. 1991. № 2. С. 52–71.

Вторая причина неудачи столыпинской аграрной реформы в рассматриваемом регионе заключалась в отсутствии на территории Ростовской земли у населявших ее крестьян возможности создавать обособленные в виде отрубов и тем более в виде хуторов сильные в производственном отношении индивидуальные хозяйства, в которых мог бы привлекаться наемный труд и которые могли бы приносить конкурентный по объему по сравнению с поместными хозяйствами товарный продукт. В-основном, к периоду начала Первой мировой войны на территории Ростовской земли преобладали мелкие и в несколько меньшем количестве средние крестьянские хозяйства, а крупные крестьянские владения практически отсутствовали.

Третья причина отсутствия ощутимых результатов проводившейся под руководством П. А. Столыпина и при непосредственной координации Главного управления по делам земледелия и землеустройства модернизации аграрного строя заключалась в сохранении на территории Ростовской земли несмотря на все разрушительные импульсы мощной общинной организации. Помимо нестабильности благоприятных климатических условий для ведения сельского хозяйства стимулом для сохранения коллективных органов крестьянского самоуправления являлась необходимость корпоративного взаимодействия не только при самообложении сельскохозяйственной продукции, но и при формировании промысловых артелей.

Наряду с обозначенными особенностями развития, препятствовавшими эффективности аграрных преобразований на территории Ростовской земли в начале XX в., аграрный строй данного региона имел еще две особенности, относившиеся к сфере землевладения и землепользования. Ими являлись дефицит плодородной земли в индивидуальных крестьянских хозяйствах и сохранение крупного поместного землевладения.

Фактор малоземелья в среде крестьянских хозяйств является одним из важнейших как для понимания специфики аграрного строя России на рубеже XIX – XX вв., так и для выявления закономерностей революционной социалистической модернизации⁹. На территории Ростовской земли, богатой лесными массивами и водными ресурсами, крестьяне сталкивались с естественными трудностями при выделении собственных благоприятных для земледелия участков. Выделение среди не занятых поместными землями еще и значительных по площади общинных территорий оставляло конкретным земледельцам крайне ограниченные участки для индивидуальных подсобных хозяйств. Для их эксплуатации наблюдался закономерный дефицит рабочего времени, поскольку крестьяне, не участвующие в процессе отходничества, помимо выполнения отработочных обязательств перед помещиками должны были вносить материально-производственный вклад в существование общины. В целом необходимо подчеркнуть, что фактор малоземелья был характерен для всей европейской части территории России, но на территории Нечерноземного района и, в частности, на территории Ростовской земли он

⁹ *Рогалина Н. Л.* Аграрный кризис в российской деревне начала XX века // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 10–22.

был особенно ощутимым в связи с существовавшими климатогеографическими и ландшафтными ограничениями ведения сельского хозяйства.

Сохранение института крупного феодального землевладения было тенденцией, непосредственно и закономерно связанной с рассмотренным фактором крестьянского малоземелья. К началу XX в. не менее двух третей сельскохозяйственных территорий на территории Ростовской земли оставались частью поместий, а крестьяне в силу ограниченности своего трудового потенциала (в основном в ситуации массового отхода для ведения промыслов и кустарно-ремесленного производства в сельской местности оставались женщины и дети) не могли сформировать для себя отрубы. Еще около двадцати процентов земельных угодий относились к казенному имуществу, в состав которого после прошедшей в 1760-х гг. секуляризации церковных земель входили и территории, использовавшиеся монастырями и церквями. К отмеченным обстоятельствам следует дополнить имеющий смежное значение факт особой активности помещиков Ярославской губернии и, в том числе Ростовской земли, в деятельности советов объединенного дворянства, активно сопротивлявшихся пересмотру сложившейся системы феодального землевладения.

Таким образом, развитие аграрного строя на территории Ростовской земли во второй половине XIX – начале XX в. происходило во многих отношениях по инерционному сценарию и с очевидным внутренним сопротивлением реформам в сфере сельского землевладения и землепользования. В то же время, несмотря на дефицит собственно земельной собственности, уровень жизни многих крестьян был достаточно высоким по сравнению с представителями крестьянства черноземных губерний благодаря успешной промысловой деятельности и эффективным усилиям в сфере индивидуального предпринимательства.